

**ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЕРЫ И РАЗУМА
В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л. ШЕСТОВА***

*И.В. Степаненко
Харьков, Украина*

XX столетие со всей разительной очевидностью выявило безосновательность и антропологическую опасность претензий разума на всемогущество и «всевозможность». Поэтому вполне закономерно, что «восстание» против декартовского «*cogito ergo sum*» является одной из существенных особенностей современного философского дискурса. Одним из зачинателей этого «восстания» выступил Л. Шестов, одним из первых в европейской философии осуществивший систематическую критику разума и его познавательных возможностей. Основные направления этой критики стали магистральными линиями развития современной философии и по-прежнему сохраняют свою теоретическую и практическую значимость.

Осуществляя критику разума, Шестов не только стремится переосмыслить познавательные возможности науки и философии, а выходит в плоскость основополагающих проблем человека и его бытия в мире. Таким образом, его критический анализ приобретает не столько собственно гносеологический, сколько более широкий – антропологический смысл.

Системообразующей идеей шестовской критики разума является направленность против фанатиков всеобщих истин. Он последовательно и убедительно показывает, что идеализм, как служение высшим идеалам, подобен восточной деспотии: снаружи все блестяще, красиво, вечно, внутри же – ужасы. Этот критический лейтмотив Шестова в полной мере созвучен хайдеггеровской критике гуманизма.

Шестов настаивает на необходимости преодоления самоочевидностей во всех сферах человеческого бытия. Он показывает, что разум, продуцируя всеобщие, необходимые, универсальные истины, проявляет себя и в сфере морали. В мире, где господствуют разум и мораль с их обязательными, приуроченными, унифицированными истинами, человек превращается в ничто, в винтик, песчинку, зрителя, а не творца.

Выступая за преодоление самоочевидностей в человеческой жизни, Шестов, по сути выступает против заурядности и безграничной тоски повседневного существования человека. По его мнению, эмпирическая реальность с законами, которые подчиняют себе человека, и является для него смертью. Человек должен осмелиться быть. А для этого он должен освободиться от всех самоочевидностей, которые навязываются ему другими людьми, и встать на путь непрерывающегося поиска собственных способов самоопределения и самоосуществления. Этот путь открывается человеку через волю к вере. Опыт веры, выводя человека за пределы «немыслимости абсурда» к возможности глубинного переживания безграничной надежды, даст человеку новое измерение мышления, которое открывает путь «к Творцу всего, что есть в мире, к источнику всех возможностей, для кого нет пределов между возможным и невозможным». Такая вера не дается человеку сама собой, а требует от него решимости и мужества, граничного напряжения всех его духовных сил. Но только отчаянная «борьба веры за возможность» может освободить человека от власти вечных истин разума и моральных оценок и, тем самым, сделать его подлинным зако-

подателем в своей жизни, подлинной «мерой всех вещей». Шестов осознает, что осуществить на земле этот идеал свободы от истины и добра невозможно. Но предвидеть окончательную свободу человеку дано. И именно такое предвидение является самым надежным защитником человеческой свободы. Только такая вера-предвидение, по мнению Шестова, «дает человеку мужество и силы, чтобы смотреть в глаза смерти и безумию и не склоняться перед ними».

Можно сделать вывод, что в конечном счете, осуществляя критический анализ познавательных возможностей разума и веры, Шестов исходит из того, что первый ведет человека к необходимости, а вторая – к свободе. Именно вера, по Шестову, зовет все на свой суд. Отдавая предпочтение Иерусалиму перед Афинами, Шестов считает, что только на этом пути возможно рассмотреть человека в единстве его проявлений, постичь всю противоречивость и трагизм его бытия, бытия, в котором господствуют не только умопостигаемая необходимость, но и случайность, возможность, хаос.

УДК 165.1

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РАССУДКА И РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ С.Н.БУЛГАКОВА И В.Ф.ЭРНА

В.С. Возняк
Дрогобыч, Украина

Различение и противопоставление рассудка и разума (под различными «именами») является сквозной темой различных философских учений, школ, направлений. Не обошла этой темы и русская религиозная философия.

Уже при общей характеристике русской философии мы обнаруживаем присутствие вышеупомянутых категорий. А.Ф.Лосев отмечает некую до-логическую, до-систематическую, а лучше сказать – сверх-логическую, сверх-систематическую картину философских течений и направлений в русской рефлексивной мысли. «Русские не допускают, что истина может быть открыта чисто интеллектуальным, рассудочным путём, что истина есть лишь суждение. И никакая гносеология, никакая методология не в силах, по-видимому, поколебать того дорационального убеждения русских, что постижение сущего даётся лишь целью жизни духа, лишь полноте жизни» [5, с. 71].

«Различая и противопоставляя разум и рассудок, – пишет С.Н.Булгаков, – я вижу в них разные употребления мыслительной силы, присущего нам космического логоса» [1, с. 23]. Рассудок рассматривает мир как замкнутый механизм, всецело подчинённый закону причинности; он не знает живого, и самого человека представляет по образу вещи. В жизни же осуществляется нераздельное единство воли, чувства и разума, поэтому она никогда не может быть исчерпана рассудочным сознанием. Рассудок в форме научного познания выпытывает у природы секреты, полезные для жизни, но *тайны* самой природы, её софийность – остаются за пределами рассудочно ориентированного отношения. Действительность, как мы её знаем, допускает, «терпит» рассудочные категории, но её сверхрассудочная, иррациональная основа глубже, таинственней, богаче. Жизнь есть единство логического и алогичного. Разум мыслит